

Часть I. РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

И.Н. Гребенкин

Россия накануне великих испытаний: ожидания, прогнозы, пророчества современников

Общеизвестны слова П.А. Столыпина о том, что двадцать лет мирного развития изменили бы Россию до неузнаваемости. Нельзя не отдать должное политическому чутью премьера-реформатора, указавшего главное условие сохранения преемственности государственного облика империи — относительно длительный период преобразований, осуществляемых сверху, мудрой и последовательной волей властей. Однако, будучи сыном XIX столетия, Столыпин не мог представить, что в новом веке историческое время потечет в ином темпе, при котором расчеты на двадцатилетнюю передышку станут легкомысленной иллюзией. Разразившаяся всего через несколько лет мировая война оказалась для императорской России непосильным испытанием.

Незадолго до своей гибели летом 1911 г. Столыпин в письме бывшему министру иностранных дел А.П. Извольскому утверждал: «...нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губельна для России и династии»¹. В 1912 г. видный консервативный мыслитель князь А.Г. Щербатов, говоря об опасности общемирового военного конфликта, все же полагал, что в ближайшие годы будет возрастать значение России «как единственной державы, могущей своей военной мощью удержать другие государства от военных столкновений», а в особенности — ее способность выступать «хранительницей мира»². Характерным для представителей консервативно-националистического направления являлось мнение об отсутствии у России надежных союзников: ими в полной мере не

являлись ни славянские народы и государства Балкан, ни партнеры по Антанте и в первую очередь — Англия³. Пороки этой коалиции и связанные с ней опасности войны с Германией отмечал, например, П.Б. Струве. Еще в 1908 г. в частной беседе он предсказывал: «Англия возьмет себе господство в колониях, а Германии предоставит вознаградиться на счет России. Тогда Германия отберет у нас Прибалтийский край, а Австрия вторгнется в Польшу <...> В России падет династия, установится республика»⁴.

Наиболее известной декларацией взглядов консервативных кругов на проблему вероятной войны с Германией стала записка, поданная видным государственным деятелем П.Н. Дурново на Высочайшее имя в феврале 1914 г. В ней автор подчеркивал, что с присоединением Англии к франко-русскому оборонительному альянсу его характер трансформировался и более совершенно не соответствует коренным интересам России, которая становится заложницей антигерманской политики британского кабинета. На основе емкого, но достаточно реалистичного анализа военного и экономического потенциала и социально-политической ситуации в стране Дурново приходил к заключению, что в случае участия России в большом европейском конфликте вероятность ее военного поражения куда выше, чем шансы на успех, а неудача в войне неминуемо приведет к революционному взрыву. Даже победа в войне, по мнению Дурново, не сулит России благоприятных перспектив, поскольку как промышленно менее развитая, она рискует оказаться в полной экономической, а впоследствии и политической зависимости от вчерашних союзников. Таким образом, жизненно важным условием для России являлось сохранение мира с Германией, а в перспективе даже создание континентального русско-германско-французского альянса⁵.

Подобные взгляды послужили почвой для обвинений Дурново в германофильстве, однако удивительная точность его прогнозов не позволяет недооценивать значение сделанных им выводов. Следует отметить, что столкновение с Германией воспринималось консерваторами с тревогой, даже когда война стала реальностью, и причиной тому были вовсе не прогерманские настроения. Крайне настороженно относился к перспективе войны России с Германией Л.А. Тихомиров, отмечавший на страницах дневника: «С моей точки зрения,

Россия может быть спасена какими-нибудь просчетами со стороны противника»⁶.

В качестве весьма интересного явления с точки зрения оценки готовности империи к большой войне можно указать на забытую ныне книгу князя В.С. Кочубея «Вооруженная Россия, ее боевые основы»⁷. Потомок знаменитого аристократического рода, Виктор Сергеевич Кочубей прошел вполне характерный для людей его происхождения и круга жизненный путь. Прослужив двадцать лет в гвардейской кавалерии и будучи генералом императорской Свиты, он с конца 1899 г. возглавлял Главное управление уделов Министерства Императорского Двора и Уделов. Совершенная Кочубеем за тридцать с лишним лет военная и придворно-административная карьера не оставляет сомнения в его совершенной преданности монархической идее. Тем не менее опубликованная им в 1910 г. в Париже книга представляет нам сегодня образ незаурядного военного и государственного мыслителя своего времени, чьи взгляды далеко не исчерпываются лояльным отношением к существующему в России положению дел.

Будучи убежден, что война есть неизбежное, «природное» явление в жизни человечества, Кочубей ставит задачей дать максимально полную оценку степени подготовки России к будущей войне, исходя из состояния ее важнейших ресурсов или «основ»: политической, военной, социальной, экономической. Первым условием, влияющим на военную подготовку любой страны, он считает ее государственный строй, подразумевая под ним соответствие принципов организации вооруженных сил государства его политическому устройству. Сама постановка этого вопроса в устах свитского генерала звучит неожиданно радикально: «Всеобщая воинская повинность логически вытекает из демократического понятия о современном отечестве, <...> она лишь в демократическом государстве применима с успехом»⁸. Дальнейшие разъяснения расставляют все по местам. Дело в том, что в самодержавном государстве понятия о демократическом отечестве не существует, в республиканском — власть «слишком рассеяна» и децентрализована. Оптимальным решением, «золотой серединой» с точки зрения реализации идеи вооруженной нации автор видит конституционную монархию, коей после Манифеста 17 октября 1905 г. и является думская Россия. Таким образом, со времен Русско-японской кампании оказался учтен один важный урок: путем

политической реформы в соответствие приведены способ организации вооруженной силы и государственное устройство.

Впрочем, такой относительно одобрительной оценки автора заслуживает лишь одна, политическая «основа» военной подготовки России. Принимаясь за разбор чисто военных аспектов готовности страны к войне, Кочубей однозначно оценивает ее состояние как упадок. Вовсе взгляды его на состояние российских вооруженных сил представляют собой довольно причудливый синтез явно консервативных, архаичных установок и вполне современных, прагматичных представлений, свободных от корпоративных пристрастий.

Кочубей не скрывает своего критического отношения к итогам военных реформ Д.А. Милютина, которые, по его мнению, пагубно сказались на уровне командного состава армии. Высшие военные посты постепенно оказались заполнены военными бюрократами с академическим образованием, вытеснившими боевых генералов — героев азиатских походов. «Высшее начальство вооруженных сил России составлено из военных мандаринов, произвольно толкующих фантастическую науку, ничего общего не имеющую с трагическим объектом современной войны»⁹. Вслед за суровым приговором военной элите Кочубей дает не менее мрачную оценку всему офицерскому корпусу русской армии, полагая, что престиж офицерской службы в России слишком низок, а это неминуемо отражается на отборе и качестве офицерских кадров.

Не ограничиваясь общими оценками, Кочубей обращается к характеристикам уровня боевой подготовки различных родов войск. Самый многочисленный из них, составляющий основу боевой мощи армии — пехота. Среди ее качеств автор обнаруживает больше недостатков, нежели достоинств. Недостатки русского пехотинца, по мысли автора, неверно было бы ставить в упрек самому солдату, так как в большинстве своем их причины кроются в пороках управления и обучения со стороны командиров. Однако особенно интересно, что сто лет назад князь Кочубей, лишь интуитивно нащупывавший подходы к социальному анализу проблем обороны, обратил внимание на то, что способности и ментальность русского солдата, преимущественно недавнего крестьянина, непосредственно связаны с его происхождением и прежним социальным опытом. «Он был крестьянином и таковым остается; к чему

рисковать ему жизнью? Когда он попадает в плен, его служба сама собою прекращается, его обязанности также»¹⁰.

Не менее строгих оценок Кочубея заслуживает и русская артиллерия, которая, по его мнению, фактически не отвечает своему боевому назначению в силу своеобразного комплекса причин. Среди них, как полагает автор, одно из центральных мест занимает господствующее среди военной элиты и особенно артиллерийского начальства представление об артиллерии как совершенно самостоятельном роде оружия со своими особыми задачами. Проблемы качества российской артиллерии, которые Кочубей называет «недостаточной действительностью», он видит в низком уровне огневой подготовки и малой подвижности. Обе, безусловно, вызваны как неудовлетворительной работой командиров по обучению расчетов, так и причинами чисто материального характера: экономией снарядов и ресурса орудий в процессе боевой учебы, недостатком лошадей, годных к использованию в артиллерии, низким качеством конно-артиллерийского снаряжения, тяжелой материальной частью, плохо приспособленной к транспортировке в условиях российских дорог.

Подобными артиллерийским Кочубей полагает и проблемы специальных и технических войск и контингентов русской армии: инженерных, железнодорожных, электротехнических, воздухоплавательных и прочих. Но наряду со склонностью этих служб к обособленности, низкой оснащенности и слабой выучке автор указывает на некоторые пороки не только и не столько военного свойства. «Их начальники охотно участвуют в выгодных предприятиях, где можно заработать побольше денег; за неимением таковых они легко придают военным работам характер весьма нечистоплотных сделок...»¹¹.

Но самые резкие отзывы генерала Кочубея, много лет прослужившего в Кавалергардском полку, получила русская кавалерия, которую он считает одной из худших в мире. «Ее начальство, как высшее, так второстепенное, не умеет ни ездить верхом, ни распоряжаться конными силами... Нижние чины службы почти не знают, не умеют ездить верхом ни владеть оружием»¹². Совершенно уничтожающих характеристик Кочубея заслужила казачья кавалерия. «С военной точки зрения казаки представляют самый невероятный bluff (самообман), какой только может отметить какая-либо из современных кавалерий.

Пользуясь совершенно ложной репутацией, современные казаки на самом деле представляют лишь скверную конную милицию»¹³.

Все эти соображения подводят Кочубея к закономерному выводу, что вмешательство России в крупный военный конфликт, в особенности с сильными противниками на Западе — Германией и Австро-Венгрией — будет для нее губительным. При этом главная угроза таится внутри страны, ибо ее вооруженные силы в критический момент могут оказаться несостоятельными в военном и ненадежными в политическом плане, поскольку всеобщая мобилизация при существующем состоянии армии, резерва и соответствующих законов неминуемо приведет к революционному взрыву.

Впрочем, анализируя современное международное положение, Кочубей не верит в возможность для России большой войны на Западе, но лишь потому, что на европейском театре у России объективно более нет интересов, которые стоило бы отстаивать военной силой. И все же усиленные военные приготовления Германии и Австро-Венгрии постоянно увеличивают опасность европейской войны и делают ее вероятной в первую очередь для России. Каким же представляется автору сценарий вооруженного противоборства, если война на Западе разразится? С этого момента его размышления, которые ранее были направлены на анализ и оценку потенциала национальной обороны, приобретают черты прогнозов и прорицаний. Будущая война, которую России предстоит вести на Западе, видится Кочубею исключительно оборонительной. Причем в борьбе с определенно более сильными и подготовленными противниками России придется широко использовать один из своих уникальных ресурсов — огромные пространства. Единственным и решающим условием продолжения вооруженной борьбы будет сохранение главных сил русской армии. При этом он допускает, что армия, отступая, оставит не только Петербург, но даже Москву. Естественно встает вопрос о том, какой пункт может стать поворотным в отражении иностранной агрессии. И тут в качестве такового автор совершенно неожиданно указывает... Царицын!

С этого момента мы начинаем понимать, что имеем дело не просто с попыткой представить ход грядущей военной кампании против германского противника, а, скорее, с собирательным образом всех войн России с Западом, прежних, но, что куда более интересно, — и будущих.

И первым грозным пророчеством встает образ войны нового типа — тотальной, беспрецедентной по масштабам, охватившей невообразимые пространства от Вислы до Волги, переломным моментом которой станет борьба за Царицын — будущий Сталинград. Те тревожные ожидания, которые излагает Кочубей, конечно, обращены к ближайшему будущему, но они никак не менее отвечают и известному нам сегодня ходу Второй мировой войны. «Как бы ни были значительны вооруженные силы России, сосредоточенные у ее западных границ, как бы ни были внушительны укрепления, предназначенные ими в качестве стратегических базисов, но те и другие могут быть без особенного усилия отрезаны от государства быстрым наступлением неприятелей...»¹⁴. И в этом автор опять обгоняет свое время. Первая мировая война, как известно, не дала множества примеров глубоких рассекающих ударов, охватов и стратегических окружений больших масс войск. Но они стали особенно распространенными и эффективными спустя тридцать лет, с неизмеримым ростом маневренности моторизованных армий времен Второй мировой войны.

Будучи близок к высшим правительственным сферам и знаком с хозяйственной жизнью страны, Кочубей обращает внимание на ряд условий, которые являются необходимыми для успеха в военном противостоянии. Важнейшим среди них является реорганизация власти сообразно потребностям военного времени. С объявлением войны необходимо введение поста Генералиссимуса (Верховного Главнокомандующего) с чрезвычайными полномочиями и назначение на него по высочайшему представлению лица, пользующегося абсолютным доверием императора. Следующим шагом должна стать милитаризация всех сфер жизни страны: гражданских, административных, судебных учреждений и экономики с подсудностью военно-полевому суду. Специальных мер, по его мнению, потребует управление национальными окраинами с целью недопущения проявлений национализма и сепаратизма. Этот комплекс мер автор упоминает как само собой разумеющийся, бесспорный. Однако сегодня мы знаем, с какими трудностями столкнулась российская власть, реализуя их с началом мировой войны.

Однако милитаризация промышленности, транспорта и управления неминуемо останется незавершенным, сугубо верхушечным мероприятием, если она не коснется сельского хозяйства — главного

звена российской экономики и крестьянства — самой многочисленной части населения. Предугадывая поведение российской деревни в случае большой войны и вражеского вторжения в центральные великорусские губернии, автор склонен считать крестьянство крайне ненадежным элементом, у которого узко индивидуалистические интересы превалируют над интересами государственными, в том числе и в сфере национальной обороны. Ненадежность эта в военных условиях выразится в равнодушии к исходу вооруженной борьбы России с врагом, склонности к пассивному коллаборационизму.

Процедуру милитаризации российской деревни автор понимает своеобразно. С началом войны и объявления мобилизации сельские регионы должны быть взяты под контроль специальными воинскими контингентами, преимущественно конными, оснащенными легкой артиллерией, которые обеспечат проведение всех государственных мероприятий, поддержание порядка, а в случае захвата соответствующих территорий противником выступят основой партизанского сопротивления. Кочубей не отрицает, что под термином *милитаризация* фактически скрывается *терроризация деревни во время войны*, т. е. открытие внутреннего фронта — фронта гражданской войны. «Относительно этого обвинения вряд ли стоит оправдываться, тем не менее скажем, что раз дело касается отечественной обороны, то цель оправдывает средства даже тогда, когда последние на первый взгляд могут показаться особенно суровыми»¹⁵. Этот несложный по сути довод, который, вероятно, недооценили современники, тоже можно считать предположенным грядущему веку.

Приближается 100-летняя годовщина начала Первой мировой войны, войны, которая именно в России и для России имеет столь значительное и совершенно уникальное звучание. Хочется верить, что это событие даст повод нынешним российским власти и обществу еще раз осмыслить ее уроки, которые, по моему мнению, сегодня востребованы даже более, чем в иные времена. Приблизиться к такому осмыслению, безусловно, должны помочь размышления наших соотечественников, те надежды и тревоги, которые они переживали 100 лет назад накануне великих испытаний.

Примечания

1. Цит. по: Мировые войны XX века: в 4-х кн. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2005. С. 359.
2. *Щербатов А.Г.* Государственная оборона России. М., 1912. С. 224.
3. См.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 238–241.
4. Цит. по: *Соловьев К.А.* Петр Бернгардович Струве // Струве П.Б. Избр. труды. М., 2010. С. 21.
5. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.
6. Цит. по: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. 2011. С. 465.
7. *Кочубей В.П.* Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж, 1910.
8. Там же. С. 8.
9. Там же. С. 26.
10. Там же. С. 31.
11. Там же. С. 39.
12. Там же. С. 36–37.
13. Там же. С. 37.
14. Там же. С. 255.
15. Там же. С. 287.

В.Г. Бурков

Российские государственные символы накануне и в период Первой мировой войны

Второе десятилетие XX в. ознаменовалось глобальными потрясениями в истории человечества. Это не могло не отразиться в таких проявлениях общественного сознания, как государственная символика. Наиболее ярким примером стала Россия. Российские государственные символы накануне и в период Первой мировой войны претерпели значительные изменения, отображая крутые, драматичные повороты в жизни крупнейшей державы мира.